

посвящённых серии ИГВ, указывалось, что этот своеобразный артефакт советской исторической науки ждёт своего исследования¹. И вот сейчас такое исследование вышло в свет. Оно позволяет неизмеримо глубже и полнее понять драматическую и противоречивую обстановку, в которой рождался замысел и реализовался проект «Истории гражданской войны» и прежде всего её первого тома. Осмысление опыта его реализации будет полезно современным исследователям — прежде всего тем, кто занимается се-

годня подготовкой XI и XII томов 20-томной академической «Истории России», охватывающих период с 1914 по 1922 г. и посвящённых эпохе Первой мировой войны, революционному процессу и Гражданской войне в России.

Примечание

¹ «Наша история есть история драки». Несостоявшаяся серия книг о гражданской войне / Публ. Н. Сидорова // Источник. 1996. № 2. С. 67—82.

Галина Ульянова

Рец. на: Т.М. Смирнова. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с., ил. (Historia Russica)

Galina Ulianova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: T.M. Smirnova. Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoi politiki k realiyam povsednevnoi zhizni. 1917—1940 gg. Moscow; Saint Petersburg, 2015

DOI: 10.31857/S086956870012956-2

Книга доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории РАН Т.М. Смирновой уже заняла заслуженное место в историографии сразу двух больших областей исследований — истории советского общества и истории детства.

Сразу следует сказать о достоинствах книги. Во-первых, она рассматривает большой хронологический период — от революции и фактически до начала Великой Отечественной войны (что потребовало раскрытия темы на фоне различных, порой резких, институциональных изменений и политических направлений). Во-вторых, географически охватывает

всю страну, таким образом приобретая обобщающий характер и подводя итог многочисленным региональным исследованиям последних 30 лет¹. В-третьих, для написания труда был поднят громадный архивный материал (особенно в ГА РФ и РГАСПИ), который ранее либо не использовался либо привлекался для раскрытия отдельных сюжетов (например, о борьбе с беспризорностью). В-четвёртых, использованы разнообразные типы источников, от законодательных актов до периодики (21 название) и беллетристики, что позволило осветить различные аспекты темы на всех уровнях государственного, общественного и частного преломления.

Книга имеет разветвлённую, но при этом стройную и логичную структуру. Она состоит из пяти глав, каждая из которых соответствует определённым хронологическим периодам и выделенным внутри каждого периода приоритетам политики в отношении детей. В первой главе раскрыты историко-юридические основы формирования государственной политики и государственного управления в данной сфере. Вторая глава посвящена отклику общества на призывы государства и проводимую политику. В третьей главе раскрыта трагическая история борьбы с голодом начала 1920-х гг. и спасения детей от физического вымирания. Глава четвёртая рассказывает о жизни детей, воспитывавшихся в системе государственных детских домов. В пятой главе идёт речь о повороте к системе семейного воспитания и попытках устройства патронатной системы.

Во Введении автор справедливо отметила большой интерес к избранной теме в публицистике и общественном сознании в контексте осмысления позитивных и негативных черт советского прошлого: «Столь противоречивое отношение к советскому детству, неугасающий интерес к нему со стороны широких слоёв населения свидетельствуют о необходимости его глубокого всестороннего исследования, свободного от идеологической предвзятости!» (с. 16).

В этом русле представлен тщательно написанный историографический раздел, в котором выделены три периода изучения советского детства: 1) советская историография; 2) историография конца 1980-х — 1990-х гг. (по мнению автора, «невзирая на ряд грубых исторических ошибок и чрезмерное увлечение пафосом разоблачительства, работы этого периода имеют огромное общественно-историческое значение», прежде всего по-

тому, что был «собран и обобщён статистический материал», данные опросов и обследований); 3) историография последнего двадцатилетия, охарактеризованная как «поиски новых подходов». По подсчётам автора она включает десятки тысяч наименований, которые представляют собой неоднородный конгломерат сочинений: «Общее состояние историографии таково, что имеются разрозненные исследования, нацеленные преимущественно на ликвидацию тех или иных “лакун” в изучении истории российского/советского детства: детально разрабатываются те или иные аспекты этой многогранной темы; изучается региональная специфика проблемы; реконструируется внутренний мир детей различных половозрастных групп и т.д.» (с. 31)².

В первой главе «“Забота о ребёнке — прямая забота государства”»: Особенности формирования советской системы защиты детства (1917 — начало 1920-х гг.)» (с. 47—82) показано, что после катаклизмов революции и Гражданской войны забота о ребёнке была объявлена государственной задачей. Дети были провозглашены «цветами жизни», «надеждой государства» (с. 47). Среди первоочередных мер — создание Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, издание отдельных постановлений о помощи детям, составление государственных планов в отношении беспризорных, например, Трёхлетнего плана борьбы с детской беспризорностью (1927).

Но, как отмечает Смирнова, для историка при работе с источниками всегда встаёт важнейший вопрос — насколько государственные декларации совпадали с жизнью? Поэтому на протяжении всего исследования идёт сопоставление задач, практики и полученных результатов. Автор даёт оценку законодательной базы помощи детям в изучаемый период, отме-

чая институциональную хаотичность в этой сфере. Так, «практическое осуществление задач охраны жизни и здоровья детей после октября 1917 г. было возложено на несколько государственных органов: Наркомсобес РСФСР, Наркомпрос РСФСР, Наркомздрав РСФСР, а с февраля 1919 г. к ним добавился Совет защиты детей... Чёткого разделения функций между ними не было ни на практике, ни в теории. Действовали они несогласованно, зачастую не столько помогая, сколько мешая друг другу» (с. 50).

Смирнова пишет: «Относительный порядок существовал лишь в вопросах охраны материнства и младенчества. В декабре 1917 г. по решению коллегии Народного комиссариата государственного призрения был создан Отдел охраны материнства и младенчества (позже передан в Наркомат здравоохранения)» (с. 50). Здесь, конечно, следует отметить, что в России существовали богатые дореволюционные традиции в этой области, венцом которых стало создание в 1913 г. всероссийского Попечительства по охране материнства и младенчества (которое находилось под покровительством императрицы Александры Фёдоровны и развивало систему женских консультаций, молочных кухонь, медицинского обеспечения родовспоможения и др.)³. Очевидно, что упомянутый относительный порядок объяснялся именно тем, что новые советские институты унаследовали не только дореволюционное название, но и восприняли принципы действия в этой сфере⁴.

Автор прибегла к весьма интересному сопоставлению выпускавшихся научными и административными институтами инструкций с документами ГА РФ о реальном состоянии детских учреждений, где не было отопления, иногда воды, дети были плохо

одеты, но при этом «санитарно-гигиенические инструкции и правила тех лет рекомендовали детям “не укутываться слишком тепло” на ночь (в то время как в детских спальнях по ночам температура опускалась до минус 4°С, а в углах комнат лежали снежные сугробы), “за столом чрезмерно не наедаться”... проверять чистоту белья и чулок, которых у большинства просто не было» (с. 59—60).

Поэтому, отмечая отдельные достижения, как, например, в деле борьбы с безграмотностью, в поддержании системы всеобщего начального образования, профилактики детских заболеваний, в увеличении декретного отпуска с двух недель до 16, автор констатирует, что в целом положение детей послереволюционной России было катастрофическим из-за разрухи и дефицита еды, вплоть до возникновения в 1920 г. в некоторых губерниях реальной угрозы вымирания детей в возрасте до трёх лет.

Представляет интерес рассмотрение на материалах ГА РФ вопроса о работе Чрезвычайной Комиссии по улучшению жизни детей (Деткомиссии), организованной в феврале 1921 г. при ВЦИК, которая выдвинула программу обследования детских учреждений, чтобы получить представление о реальной ситуации с помещениями, питанием, снабжением одеждой, бельём, обувью, о санитарно-гигиенических условиях. Автор пишет, что «проверки Деткомиссии сыграли крайне важную роль в налаживании планового снабжения и организации работы детских учреждений в 1920—1930-е гг.» (с. 65). Опираясь на данные проведённого обследования, комиссия попыталась развернуть широкомасштабную деятельность по многим направлениям: обеспечение детей одеждой и продовольствием (государственные пайки, лечебно-питательные поезда и т.п.);

организация работы органов системы народного образования, расширение сети детских учреждений. Рассматривая лозунги, под которыми действовала комиссия, Смирнова отмечает, что главной целью стало «спасение жизни ребёнка».

Например, в книге показано, что по специальному циркуляру Деткомиссии всем губернским продкомам от 21 марта 1921 г. «из общего распределения» изымались следующие продукты: сухофрукты, молочная мука «Нестле», овсяная крупа «Геркулес», шоколад, все фруктовые консервы, яйца и яичный порошок «Эгго», сгущённое молоко, мёд, клюква и клюквенный экстракт, желатин, какао, рис, манная крупа, картофельная мука, домашняя птица и дичь. Продукты следовало перенаправлять исключительно для детского и больничного питания, снабжения губерний детскими продовольственными пайками.

Однако, как показал проведённый автором анализ большого комплекса документов, «к сожалению, положенный по норме суточный паёк на практике выдавали лишь в некоторых “показательных” детских учреждениях (например, в “Опытном доме” Государственного психоневрологического института Наркомпроса, в который принимали в основном “детей коммунистов и коммунисток”, причём 25 мест было зарезервировано специально для “детей Коминтерна”» (с. 69).

В разделе «Организация работы по охране материнства и детства на местах» на основе материалов, часто впервые вводимых в научный оборот, показаны действия местной власти и общественных сил после перевода детских учреждений на финансирование местных бюджетов. Ситуация в разных регионах сильно различалась. Например, в Томской, Воронежской, Ярославской, Владимирской губерни-

ях сотрудникам детских учреждений удалось организовать мытьё детей, снабжение их одеждой даже в условиях экономического кризиса. В других губерниях, включая Московскую и Петербургскую, положение было хуже.

Первая глава ярко показывает расхождение между идеологическим и практическим — конференции работников государственных и общественных институций, ответственных за работу с детьми, стремились поддерживать бодрый тон, рапортовать о «заботе» («красивые слова и громкие обещания»), на практике же, в условиях деморализации части населения, детские учреждения едва выживали.

Во второй главе «“Дети — наше будущее”»: Власть и общество в решении проблем детства. 1917—1930-е годы» (с. 85—140) взаимоотношения государства и общества в детском вопросе охарактеризованы как «сотрудничество и противостояние». Автор показывает, что после запрещения усыновления в 1918 г. возникла идея социального воспитания. Но экономика Советского государства на этом этапе была маломощной, провозглашённые идеи не имели финансового и материального подкрепления и поэтому «руководство государственной системы охраны материнства и детства стремилось максимально использовать в своей работе общественность», но на основе плановой и организованной работы. Например, коллективы крупных предприятий, профсоюзы, отряды милиции «брали на своё обеспечение целые детские дома или отдельные группы воспитанников» (приведены примеры в Иркутске). Но и это шло с переменным успехом, поскольку материальных ресурсов всё же не хватало. В 1922 г. данное направление работы оказалось возведено в ранг официальной политики, когда Деткомиссия ВЦИК

разработала «Инструкцию о плановом прикреплении детских учреждений к советским учреждениям, профессиональным организациям, войсковым частям, промышленным и торговым предприятиям и т.п.». С 1923 г. под эгидой Деткомиссии стали возникать группы «Друзья детей», объединявшие добровольных помощников и осуществлявшие патронат детских садов, яслей и т.д. Государство также поощряло так называемую систему самообслуживания (самопомощи), когда родительские комитеты организовывали летний отдых детей в городах и сельской местности.

Обобщение и анализ большого архивного материала по разным регионам позволило Смирновой прийти к аргументированному выводу о том, что «стимулирование общественной инициативы в области охраны детства в середине 1920-х гг. становится неотъемлемой частью государственной “детской” политики» (с. 96). Автору удалось реконструировать картину действий государства и отклика общества, а также показать, что эта переключка происходила на фоне существующих и возникающих проблем в области охраны детства — как материальных, так и морально-нравственных, педагогических и медицинских.

В третьей главе «“Забота о голодных детях — впереди всего”»: Борьба Советского правительства за спасение детей от голода. 1921—1923 гг.» (с. 144—206) рассмотрен вопрос о физическом выживании детей в один из самых тяжёлых периодов в истории России, когда после семи лет товарного дефицита (1915—1921), гибели людей (прежде всего, мужчин-кормильцев семей) на фронтах в годы Первой мировой войны и последующей Гражданской войны оказались разорены и доведены до нищенского состояния сотни тысяч семей. В 1920 г. — вновь неурожай и в 1921 г. засуха, которые

сделали потери населения от голода и болезней, вызванных недоеданием, необратимыми. В многочисленных дневниках и мемуарах, опубликованных уже в 1990-х гг., после снятия цензуры советского времени (например, писателей М. Пришвина и К. Чуковского), ярко описано, что еды в городах, да и в деревнях, не имелось и купить было негде.

Смирнова исследует проблему голода в политическом и экономическом ракурсах. Пожалуй, впервые в историографии трагические страницы эпохи представлены через многочисленные архивные документы, среди которых хранящиеся в ГА РФ сводки о снабжении детских домов продуктовыми пайками, которых было в несколько раз меньше, чем требовалось, и даже это число сокращалось в течение зимы 1921/22 г. и весь последующий год. Посылаемые из центра на места скудные съестные припасы нередко расхищались по дороге мародерами или недобросовестными чиновниками. Показано, что резко возросшее количество подкидышей, брошенных детей и сирот дало гигантскую нагрузку на детские дома, которые едва справлялись с обеспечением детей питанием и одеждой. Детей было нечем кормить и их вначале принимали в детские учреждения, а потом стали отчислять, отправляя «на попечение родственников», а фактически выбрасывая на улицу.

Новаторской является четвёртая глава, в которой представлены экономические, медицинские и педагогические аспекты существования детей-сирот в системе закрытых учреждений — детских домов, коммун, колоний и проч., где дети находились постоянно в отсутствие семьи (с. 207—286). Дан микроисторический анализ жизни детей в детских домах, приведены систематизированные цифры о питании.

Ставя проблему «государственных детей» (т.е. детей-сирот, взятых на государственное попечение), автор стремилась осмыслить более широкую историографию раннего советского периода. Эти рассуждения представляют несомненный интерес для специалистов и широкого круга читателей. Смирнова пишет, что если рассматривать «советский режим» не только как государственный строй и метод правления, а шире — как «определённый распорядок жизни, совокупность правил, норм, ценностей, мероприятий, формирующих некую социальную реальность», создаваемый не только «господствующей коммунистической идеологией и социально-экономической конъюнктурой», но также историческими традициями и сложившимися социально-культурными практиками, то он не кажется «столь единым, унифицированным» (с. 209). К таким выводам пришли, в частности, авторы ряда опубликованных в последние годы трудов о советской повседневности, о причудливом симбиозе экономических и социальных характеристик исторических процессов и явлений советского периода⁵. Поэтому при рассмотрении режима воспитания детей Смирнова на основе архивных документов ГА РФ и РГАСПИ рассматривает совокупность разных его сторон — таких как финансирование, быт, медицинская помощь и др.

Ставя задачу понять, в какой степени режим воспитания зависел от Центра (Наркомпрос, Наркомздрав, в случае детей до трёх лет и проч.) и в какой формировался «усилиями местных властей, наиболее активных представителей общественности, руководства и сотрудников, а также самих воспитанников детских учреждений», автор рассматривает и последующие вопросы: «Был этот режим гибким

или жёстким?», «Контролировался Центром и/или общественностью?».

В этой главе представлен малоизученный и запутанный вопрос о финансировании закрытых детских учреждений. Например, показано, что нормативы на содержание ребёнка, разработанные в Наркомате просвещения, приходили в противоречие с нормативами Наркомата финансов, предлагавшего их уменьшение в полтора-два раза.

Автор представила архивные общероссийские и погубернские сведения о суточных нормах питания детей, сгруппированные в таблицах и ценном приложении «Статистические данные по губерниям о численности детдомовцев и их обеспеченности продовольствием, медицинским обслуживанием и предметами повседневного пользования» (с. 350—363). Эти материалы за 1921 и 1923 гг., собранные Деткомиссией ВЦИК, иллюстрируют на примерах с мест трагическую картину заболеваемости (дизентерия, педикулёз, туберкулёз, цинга), недоедания (например, из Вологодской губ. сообщали, что «рыба, мясо и овощи отсутствуют; в ассортименте только овсяный хлеб, картофель, крупа; продукты часто «недоброкачественные», приготовлены «плохо», хлеб не пропечённый), острой нехватки мебели, постельного белья, одежды и обуви (ходили босые). Детей редко мыли (1—3 раза в месяц), не имелось индивидуальных полотенец, в домах проживания отсутствовали уборные. В условиях послевоенной разрухи эти проблемы зачастую были нерешаемыми, а переполненность детских домов достигала 400%.

Хотя в 1930-х гг. положение улучшилось, местные исполнительные органы снижали финансирование и снабжение детских учреждений. Об этом сигнализировал (в секретных докладных записках на имя председа-

теля ВЦИК М.И. Калинина) председатель Деткомиссии Н.А. Семашко: «Несмотря на то что СНК РСФСР утверждён специальный бюджет для детдомов», он не выполняется, и «в результате дети остаются голодными, грязными, оборванными и наблюдаются массовое бегство ребят из детских домов и пополнение улиц беспризорными». Надо отметить, что этот введённый в научный оборот источник (секретные докладные записки) содержит интереснейшие сведения.

Но виноваты были не только местные органы, не дававшие достаточно денег. Выявлялись факты, когда работники некоторых детских домов равнодушно относились к несчастным детям — при наличии на складах одежды и постельного белья держали их в старой ветхой одежде, доводили бытовое содержание до ужасающего уровня. В ходе проверок 1930-х гг. обнаруживалось, что персонал воровал одежду, еду, занимался приписками (в случае, если дети умирали, смерть фиксировали не сразу, чтобы присвоить выделяемый паёк). Показаны конфликты, которые возникали в заведениях для трудновоспитуемых, где моральные качества воспитателей и воспитанников могли быть низкими с обеих сторон.

Анализ документации привёл автора к выводу, что в 1920-х гг. «в целом по Республике положение воспитанников детдомов оставалось крайне тяжёлым». Но и в этой ситуации часть детских домов смогла наладить хозяйство и за счёт самоотверженной работы педагогов создать вполне приличные условия (приведены примеры Кардымовского, Людиновского, Демидовского дошкольного, Гжатского дошкольного детских домов, а также еврейского детдома в Смоленске). Дети из этих воспитательных учреждений в дальнейшем выросли достойными людьми, многие смогли

получить высшее образование и профессии.

Глава пятая «Дети-сироты — “дети народа”»: Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в советской послереволюционной России» (с. 287—343) посвящена такому актуальному в последние годы аспекту помощи детям, как семейный патронат, который ранее существовал в 1920—1930-х гг., а также до 1917 г. в системе Воспитательных домов. С одной стороны, в 1918 г. на законодательном уровне оказалось запрещено усыновление (по объяснениям агитационно-пропагандистской литературы это якобы делалось с целью пресечения эксплуатации в крестьянских семьях, что вызывает большие сомнения, поскольку до 1917 г. существовала отлаженная система усыновления детей-питомцев из Воспитательного дома с последующим надзором за приёмными родителями со стороны полиции и сельских сходов, исключавшая притеснение детей, находившихся на патронате в семье). С другой — в 1926 г. институт усыновления был восстановлен.

Смирнова показывает, как на уровне лозунгов и пропаганды происходило столкновение принципов «государственной ответственности за будущие поколения» и обеспечения семейного попечения. В начале 1920-х гг. при закрытии существовавших до революции отделений воспитательных домов и детских приютов многие воспитанники насильно помещались в крестьянские семьи. Этот опыт оказался крайне неудачным. Анализ архивных материалов показал, что в тяжёлой экономической обстановке только 10—15% крестьян были согласны брать детей, которые попадали к ним без нормальной одежды, без всякого денежного и продуктового пособия от государства: «Крестьяне, едва сводившие концы с концами, в

подавляющем большинстве не хотели обременять себя лишним едоком. Но, поскольку в государственных детских учреждениях мест катастрофически не хватало, детей расселяли в крестьянских семьях, не спрашивая их желания» (с. 305). Из-за проявляемой к ним жестокости, голодного существования дети убегали из семей и нищенствовали. Приведены статистика и анализ причин беспризорности по материалам контролирующих органов, что вносит новую информацию в исследование этих социальных девиаций в 1920-е гг.

Показано, что попытки восстановления «ценностей семейного воспитания» посредством системы семейного патроната оказались успешными в тех регионах, где приёмные семьи поддерживались из местного бюджета. Например, «власти Самарской губернии стремились соблюдать принцип добровольности и своевременно выплачивать денежное пособие (25 руб. в месяц на подростка)», в результате, при фактическом воспроизведении дореволюционной системы кормиличного промысла, случаи отказа от детей или их бегства резко упали до 1,5—2% (с. 324). В целом, передача детей на патронат обеспечивала помощь численно незначительному количеству детей, но сам факт обращения советской власти к дореволюционному опыту представляется весьма интересным, это новая постановка вопроса в исследовательском плане.

В последние 20—25 лет тема истоков репрессивного характера советского режима не раз становилась предметом спекуляции журналистов и псевдоисториков. Отдельные факты, вырванные из контекста и не всегда достоверные, будоражили воображение массового читателя, создавая зачастую только информационный шум без осмысления содержания и логики

исторического процесса. До сих пор история двух послереволюционных десятилетий является болевой точкой общественных дискуссий. Поэтому взвешенный взгляд на события с оценкой позитивных и негативных социальных практик необходим.

Работа Т.М. Смирновой важна для формирования академического взгляда на трагические события 1920-х и 1930-х гг. Книга несомненно вносит большой вклад в разработку истории детства и советской истории, пользуется большим интересом и будет привлекать внимание профессионального и массового читателя в будущем.

Примечания

¹ См.: *Рябина Н.В.* Социальная политика государства по охране материнства и детства в период НЭПа (по материалам губерний Верхнего Поволжья). Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998; *Гедько М.И.* Государственная социальная политика в отношении детей: опыт и уроки 1920-х гг. (на материалах Москвы и Московской области). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Реутова А.Д.* Ликвидация массовой детской беспризорности в 1921—1935 годах: На материалах Верхневолжья. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004; *Лаврова И.А.* Борьба с беспризорностью на Урале в 1929—1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009.

² См.: *Водопьянова З.К.* Источники о политике советской власти в области охраны детства 1917—1920 гг. // Советские архивы. 1978. № 3. С. 75—79; *Жукова Л.А.* Ликвидация детской беспризорности в СССР // Советское здравоохранение. 1985. № 7. С. 61—64; *Нечаева А.М.* Охрана детства в СССР. М., 1987; *Красовицкая Т.Ю.* Идеи Н.К. Крупской и их роль в истории большевистского эксперимента // Новый исторический вестник. 2002. № 1. С. 4—29; *Журавлёв С.В., Соколов А.К.* «Счастливое детство» // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 159—204; *Щербинин П.П.* «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов, 2018.

³ ПСЗ-III. Т. 33. Отд. II. Пг., 1916. № 39446.

⁴ См.: *Колганова Е.В.* Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX — начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012; *Ульянова Г.Н.* Призрение, благотворительность и социальное обеспечение в 1917—1918 гг. в политике Временного правительства и Совнаркома // Великая Российская революция 1917 года: 100 лет изучения. Мате-

риалы международной научной конференции (9—11 октября 2017 года). М., 2017. С. 487—496.

⁵ См., например: *Кондратьева Т.С.* Введение // Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М., 2009. С. 10—22; *Журавлёв С.В.* Режимность в эпоху смены режимов (на примере ОАО «АвтоВАЗ») // Режимные люди в СССР. С. 184—214; *Кон-*

дратьева Т.С. Материально ответственные лица при режиме социалистической собственности // Режимные люди в СССР. С. 128—144; *Иванова Г.М.* О люди, люди с номерами, вы были люди, не рабы // Режимные люди в СССР. С. 165—183; *Костырченко Г.В.* Дамоклов меч «пятого пункта» // Режимные люди в СССР. С. 217—242.